

Опасные
удовольствия

Яна
Розова
Долина
туманов

Опасные удовольствия

Яна Розова

Долина туманов

«Центрполиграф»

2012

Розова Я.

Долина туманов / Я. Розова — «Центрполиграф»,
2012 — (Опасные удовольствия)

Владимир и Алексей Пушнины женаты на сестрах Асе и Вере. Давно сложился тесный кружок самых близких друг другу людей. Однако в последнее время семейные лодки дали крен, да и совместный бизнес Пушниных претерпел серьезный натиск рейдеров. Поездка за город – повод не только отдохнуть и развеяться, но и спокойно обдумать свое положение, принять правильное решение... Кровавое убийство в их уединенном коттедже, куда не просто проникнуть постороннему, наполняет души оставшихся в живых иррациональным ужасом. Кто убийца? На этот вопрос нет ответа. Да и другой вопрос занимает их. Сумеет ли хоть кто-нибудь остаться в живых?

Содержание

Пролог	5
Часть первая Кофе с плюшками	8
Часть вторая Аперитив	15
Ася	15
Вовка	21
Вера	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яна Розова

Долина туманов

Пролог

В какой-то момент Вере показалось, что она актриса и занята в съемках шекспировской драмы, поставленной в современных интерьерах. За окном вечерело, хлестал дождь, и небо растрескивалось от молний, как перезрелый арбуз. Раскаты грома свидетельствовали о гневе богов. На душе было тревожно.

Они вдвоем – Вера и Вовус – сидели в холле их загородного дома, опустошая запасы спиртного в баре. А повод выпить у них имелся, и не один: Вовус оплакивал смерть жены и брата, а Вера – мужа и сестры. Это было их единственное занятие на ближайшее время – из-за небывалого в истории области ливня выбраться из Дома не представлялось никакой возможности. По сути, это был не просто ливень, а половодье с горными обвалами и оползнями. Область ливня начиналась высоко в горах, она охватила ледники и вытопила целые тонны воды. Талые и дождевые потоки наполнили горные реки, и те вышли из берегов, подмыли почвы, нанесли обломки скал на горные участки федеральной трассы. В низинах гектарами проседала земля, из-за чего разрушились строения в маленьких предгорных поселках и дороги, их соединяющие.

Новостные телеканалы оповестили о выходе из строя нескольких мостов через горные речки, в том числе и через ближайшую, Овечку. Это означало, что теперь от горы Змейка, на которой стоял дом отшельников поневоле, уехать будет еще сложнее – только через окрестные заброшенные дороги, но стоило ли это делать?..

Ливень не прекращался – холодный и бездушный.

На столике между креслами, в которых сидели обитатели Дома, громоздились пустые бутылки и грязная посуда. Сегодня Вера и Вовус пили с самого утра. Пили и ссорились.

Вера, в обыденной жизни напоминавшая ведьму, сейчас ею и являлась. Она куталась в огромный черно-белый плед, похожий на ведьминский балахон. Черные длинные волосы, обычно гладкие, были взлохмачены, женщина поминутно отбрасывала прядь, падавшую на лицо, нервной рукой. Под глазами Веры залегли синяки, бледные губы были искусаны. И взгляд ее серых глаз был по-настоящему безумным.

Небритое двое суток лицо Вовуса выдавало смертельную усталость и озлобленность. Его украшали набрякшие веки и краснота, разлившаяся вокруг носа и на щеках. Нижняя губа Вовки брезгливо отвисла. Одежда была измятой, кое-где красовались пятна от кетчупа, ибо руки Вовуса заметно дрожали.

Он настороженно наблюдал за Верой, так как не был уверен, что его план сработает. А тем не менее пришло время начинать.

– Вера, мне нужны эти деньги, ты понимаешь? – с фальшивыми интонациями плохого актера, растерявшегося перед камерой, сказал он. – У меня море планов, – продолжил он гораздо увереннее. – Я не могу отдать тебе половину только потому, что ты хочешь спустить деньги на чушь. Тебе придется отдать мне все, ясно?!

Вера с удивлением поняла – в его последних словах звучала нескрываемая злоба. Это как-то отрезвляло.

– Что ты чушь порешь? – поинтересовалась она с сарказмом, который всегда раздражал ее деверя. – Какое у тебя море планов? У тебя в голове совершенно пусто. А мне деньги нужны, чтобы осуществить планы мужа. Я должна поднять его бизнес!

Она налила себе в стакан остатки коньяка и поставила опустевшую бутылку на пол. Вовка презрительно прищурился, наблюдая за ней.

– Кто чушь порет, мать твою, дуреха?! – переспросил он, запинаясь на согласных звуках. – Ты думай своей головой, алкоголичка! Ты же ума этим деньгам не дашь! Сама не понимаешь?

– А ты? На себя посмотри! – Вера говорила тоном торговли гнилой рыбой. – Я алкоголичка? Ну а ты – неудачник! Свой бизнес в унитаз спустил! Тебе раз пригрозили, и ты – лапки кверху! Какого черта мне тебя слушать? Ты ничего ни разу не сумел организовать, никогда ничего не придумал. Все идеи Алеша тебе дал, а ты только портил каждую! Он был гений, а ты... трус и неудачник.

Она попыталась высокомерно усмехнуться, но ее губы только злобно скривились. Эта ухмылка была настолько отвратительной, что Вовка не удержался: перегнулся через стеклянный журнальный столик и схватил Веру за плечо.

– Думай, что говоришь! – прикрикнул он. – Думай, твою мать, коза тупая!..

– Идиот! – Вера отпрянула от него, вырвавшись из его пальцев. – Отцепись от меня...

– Какая же ты стерва! Жуткая стерва!

– А ты – тряпка! – парировала она. – Обожал свою маменьку, а она об тебя ноги вытирала! Обожал свою жену, а она...

– Заткнись, дура! Я убью тебя! – Вовус вскочил на ноги. Было заметно, как сильно он пьян: от резкого движения его качнуло в сторону, он потерял под ногами опору и врезался коленом в стеклянную столешницу. Бутылки – около десятка, не меньше! – повалились на пол со страшным грохотом. Стеклянная столешница издала страдающий звук, видимо, где-то пошла трещина. За окном снова блеснула молния, и бряцание бутылок слилось с раскатом грома.

Попытавшись подняться из кресла, Вера и сама потеряла равновесие, но устояла на ногах, испугавшись, что упадет в гору стекла.

– Придунок... – прошипела она.

Наклонилась, подняла пустую бутылку из-под текилы, отчаянно размахнувшись, запустила ее в Вовку. Он не успел уклониться, и снаряд врезался в его плечо. Вскрикнув от боли, выругавшись, он бросился на Веру. Вера была готова – она встретила деверя звонкой и ловкой пощечиной. Родственники сцепились, как два бешеных кота, Вовка снова оступился и, падая, потащил на пол и Веру. Она дико закричала, он снова прохрипел ругательства. Некоторое время борьба продолжалась на полу: он душил ее, она – вырывалась, царапалась и пыталась врезать Вовке коленом в пах.

Выстрел прозвучал неожиданно, когда канонада громовых раскатов за окнами на несколько минут стихла. Вера почти не могла дышать – обмякшее тело Вовуса давило на грудь и живот. Болели затылок и шея. Вере потребовалось несколько минут, после чего она нашла в себе силы пошевелиться. Набрав в легкие воздуха, собралась с силами и столкнула Вовуса на пол.

Поднимаясь на ноги, Вера не могла оторвать взгляд от убитого человека. Она тяжело дышала и откашливалась, потирая грудь. Из раны на лбу Веры выступила кровь, кровь тонкой струйкой потекла по щеке. Женщина стерла кровь с лица и отступила назад, сжимая в правой руке черный тяжелый пистолет.

Всполох молнии высветлил комнату – и бутылки, и мертвеца, и саму Веру. В этот миг выражение лица Веры изменилось невероятным образом. Если бы кто-то видел ее сейчас со стороны, то он бы решил, что она уже не безумная ведьма, а испуганная до полусмерти пьяная сумасшедшая.

– Ася? – сказала она, вдруг сосредоточив взгляд на одной, видимой лишь ей точке. – Это ты?.. Ася, я не хотела! Он набросился на меня... я бы никогда!.. Прости меня, прошу, прости! Я знаю, что ты сердисься, я знаю, что ты любишь его!

Из глаз Веры брызнули слезы, они смешались с кровью, потекли по лицу, закапали на серую майку, превратившись в черные разводы. Повторяя «Прости, прости, прости...», Вера опустилась на пол рядом с телом Вовуса, не отводя взгляда от видимого только ею лица покойной сестры.

Потом подняла пистолет, приставила к своему лбу и выстрелила.

За окном продолжал шуметь ливень...

Часть первая Кофе с плюшками

Это утро обещало Пушкиным очень много хорошего. Во-первых, была пятница, а они еще вчера закончили все свои дела. Во-вторых, им предстояло целых три дня отдыха, причем в любимом месте – в Доме, а в-третьих, погоды стояли просто чудесные. Чудесные особенно потому, что на дворе стояла середина ноября – самого противного месяца для этих широт. В ноябре положено мерзнуть, мокнуть, киснуть в депрессии и тосковать по солнцу. Однако этот ноябрь подарил тепло – температура не опускалась ниже плюс пятнадцати, синеву небес, не испорченных ни единым облачком, и безветрие, благодаря которому на деревьях желтела листва. Обычно такие деньки выпадают в конце сентября – начале октября, и наслаждаться ими можно до тех пор, пока не подуют с горных ледников ледяные ветры и небо не затянется сизыми тучами. И тогда чуть ли не за пару часов золотая осень превратится в сплошной мокрый кошмар.

Сегодня утром, созваниваясь с сестрой, Вера сказала, что предчувствует наступление дождей, на что Ася только фыркнула. Зачем заранее циклиться на плохом, если оно еще не пришло? Вере было тридцать пять, Асе – двадцать девять, возможно, в этом было все дело.

Сейчас сестры сидели на заднем сиденье «фольксвагена» Вовки Пушкина, Асиного мужа. Вчера Пушкины собирались ехать на выходные двумя машинами, но Лексус попросил Вовку взять с собой Веру, потому что сам Алексей планировал задержаться и присоединиться к семейству уже в Доме.

Вера поддразнивала младшую сестру, опрометчиво поделившуюся с ней своими проблемами:

– Итак, ты купила самые дорогие в Гродине сапоги и только дома увидела, что ты купила не сапоги, а... один сапог на левую ногу, но в двух экземплярах!

– Да нет же, я мерила два сапога, на правую и на левую ногу. – Асе и самой было смешно, но признавать этого она не собиралась. – Я ушла на кассу расплачиваться, продавщица принесла мне пакет с коробкой. А дома я увидела, что она, тупица, выдала мне два левых сапога...

– А два правых оставила себе, – давилась смехом Вера. – Ты хоть видела ее ноги? Может, у нее обе ноги – правые?

Ася, видимо вообразив себе продавщицу обувного магазина с двумя правыми ногами, не выдержала и хихикнула. Вера ущипнула сестру за упругое бедро, обтянутое легинсами, и рассмеялась еще звонче. Ася отпихнула злые пальцы Веры, ее смех звонкой волной коснулся ушей Вовуса.

«Ехать бы так всю свою жизнь! – думал он, по давней привычке потирая кончик носа ладонью левой руки. – Ехать, и ехать, и ехать. И никогда не приезжать в Дом».

Он равнодушно глянул в зеркало заднего вида. Его жена, хрупкая красавица блондинка, закатывалась от смеха. Старшая сестра Аси, худая бледная чернобровая женщина, смеялась вместе с ней, продолжая щипать сестру за бок. Обе раскраснелись, а их волосы, еще утром вымытые и уложенные, торчали в разные стороны.

Некогда, в прежние счастливые времена, когда все они – Вовус, его младший брат Лексус, Вера и Ася – были счастливы до безобразия, Вовку умиляло девчачество сестер. И даже сейчас он улыбнулся в сторону.

А в то же самое время Вера вдруг подумала: счастлива так, как сейчас, она давно не бывала.

Ее сестра снова залилась смехом – уже просто так, не в силах остановиться. Она с самого детства была такая: начинала плакать и плакала до икоты, начинала смеяться и смеялась до хрипоты.

– Ася, хватит ржать! – произнес Вовус тихо. Его глубокий сильный голос, диссонировавший с некоторой subtilностью телосложения, рокотал не хуже двигателя «фольксвагена». – Позвони Лексусу, спроси, где его черти носят?

Ася честно попыталась исполнить просьбу мужа, но смех вырывался из нее серебристыми звонкими искрами, как бы крепко она ни пыталась закрыть рот ладонями. Наконец Ася успокоилась и, приняв ханжески серьезный вид, стала поправлять на себе легкую курточку из серебристой ткани, держа мобильный телефон в левой руке.

– Блин, холодно у тебя в машине, – пожаловалась она, застегивая молнию. – Почему ты всегда морозильник разводишь? Боишься постареть?

– Передвижной семейный вытрезвитель, – отозвалась ее старшая сестра, хрюкнув от смеха.

Ася снова закрыла ладонью рот, и с ней случился второй приступ неукротимого хохота.

Вера заглянула в зеркало заднего вида. Вовус посматривал на жену своими холодными темно-серыми глазами, словно наблюдая за ней с какой-то научной целью. Вере показалось, что сейчас он скажет что-то резкое. Однако прошло мгновение, Вовус перехватил взгляд Веры и неожиданно улыбнулся.

– Да, кстати, где мой муж? – весело возмутилась Вера. – Щас я его наберу! Что за командировка такая, в выходные дни?! Чест слово, не понимаю!

Некоторое время с заднего сиденья доносилось шебуршание, а потом Вовкина жена насмешливо объявила:

– Она забыла мобильный! Слушай, Вов, у этой женщины мозги совсем набекрень! Давай ей купим винпоцетин!

– Я не забыла мобильный, – возразила Вера, – он где-то тут!

– Нету! – прокомментировала ее родная сестра, хлопнув в ладоши. – Нету, и все!

Она снова начала хохотать, а Вера только пробормотала:

– Иди ты...

– Возьми мой мобильник, – предложила Ася. – Тебе секретарша нужна, чтоб все напоминала.

Дозвониться до Алексея не удалось.

Вера передала Вовке большое желтое яблоко. Думая о брате, он забыл поблагодарить сноху, машинально откусил сразу четверть и поперхнулся сладким яблочным соком.

Тут трасса вывела фолькс на пригорок, и Вовка позабыл о брате, потому что прямо перед ним, под огромным синим небом, появилась Долина туманов.

Сестры тоже примолкли. Пушкины считали Долину туманов красивейшим местом на планете Земля. Вдали уже виднелись и настоящие горы – белые вершины, острые скалы, на их фоне Долина туманов казалась Хоббитанией: уютной и ласковой, особенно этим ноябрем. Долину окружали три маленьких, поросших лесом горы: Баран, Ардын-гора и Ящерица. На Змейке стоял их дом, на Ардын-горе – старинный христианский монастырь, уже лет сто как абсолютно заброшенный. А Баран был бесхозный.

Что же касается самих туманов, якобы давших долине имя, то никто из Пушкиных их тут не наблюдал.

– Красиво, – сказала Ася тихо. – Сколько раз сюда приезжаю и всегда удивляюсь.

Ее прекрасное лицо с точеным носиком, высоким лбом, огромными глазами, капризно очерченными губами, сейчас казалось особенно одухотворенным. Оно было отлично видно Вовке в окне заднего вида. Он закусил губу и перевел взгляд с жены на дорогу. «Фольксваген» въезжал на мост через давно пересохший ручей.

Тем временем Вера глядела на Долину туманов, на долю мгновения позабыв, что не одна.

– Тут и умереть не жалко, – ляпнула она некстати.

– Дурочка, – ответила ей Ася. – Умереть всегда жалко.

После моста дорога шла серпантином через лес, потом огибала небольшой выступ скалы с прилепившимися к нему в самых неперспективных для жизни местах кустами, и прямо за выступом Пушкины увидели свой Дом. На самом деле до него было еще минут пять езды, но виден он был как на ладони: красная кирпичная коробка с окнами за красивым кованым забором.

Главная фишка Дома заключалась вовсе не во внешнем виде. Наоборот, лаконичные, как говорил архитектор, адаптировавший проект к условиям местности, формы составляли контраст сложной инженерной начинке здания. Никто из Пушкиных, кроме Алексея, конечно, ничего в той инженерии не понимал, но это не мешало им наслаждаться комфортом, который дарила вся эта сложная электроника.

Между тем устройство Дома действительно вызывало восхищение. Это было абсолютно автономное строение, снабженное генератором электроэнергии, который в ясные дни подменяла солнечная батарея. Продуманная и отлаженная система водостоков собирала дождевую воду, очищала ее и направляла на разные технические потребности – на кухню и в туалет. Питьевую воду приходилось привозить из Гродина.

Каждый из семьи любил Дом по-своему. Ася – за запахи и атмосферу уютного обжитого пространства. За ухоженность, неявный шик, высокий класс. Ни у кого из ее знакомых не было такого Дома. Люди покупали недвижимость в Европе – на Кипре или в Испании, но денег у них хватало всего лишь на обычные дома, где временами не было электричества или воды. Дом был не таким. Он жил своей собственной жизнью, но жил только для них, для своих владельцев.

Словом, Асе больше всего нравился сам Дом. Приезжая сюда, она любила обходить все комнаты, подолгу стоять на балконе, вдыхая влажный прохладный горный воздух, глядя вдаль, на белые вершины Кавказского хребта. Ей было хорошо тут. Пусть все родственники и считали ее завзятой тусовщицей, она радовалась каждому мгновению, проведенному в уединении, на горе Змейка. Тут мечталось, как никогда и нигде...

Ее муж не столько любил сам Дом, сколько любил в нем безделье. Если удавалось вырваться сюда, то работа оставалась за кадром. Случалось, что названивали сотрудники, ломалось у них что-то или не сходились балансы, но Вовус, то есть Владимир Иванович, не сдерживая раздражения, объяснял им, что его нет и работать придется самим. Сами-сами! Пошли-по-шли! А он в это время разваливался на диване в гостиной и лениво перебирал ТВ-программы из пятисот, предлагаемых его спутниковой антенной. Или лежал в кровати с ноутбуком, искал в Интернете новые игрушки, музыку или всякие интересности. В общем, балдел.

Алексей, создатель и творец Дома, любил в нем все. Каждую микросхемку в компьютере, управлявшем работой этого чуда, каждый метр дубового паркета, и двор, мощный плиткой, и даже гараж, набитый разным инструментарием. В любой свой приезд он специально заглядывал в каждый потаенный уголок Дома, проверяя счетчики, системы, проводки и разводки. Он страшно гордился, что за три года Дом ни разу их не подвел.

А Вера любила уединенность Дома. На работе – сотрудники, поставщики, покупатели. Потом надо ехать в школу, где встречаешь учителей, знакомых родителей, детей. И так каждый день. И только здесь можно было выйти утром за порог и заблудиться в лесной тишине.

В Дом Пушкины ввалились со смехом. Всем срочно понадобился туалет, и никто не хотел бежать аж на второй этаж, а на первом этаже унитаза имелся только в единственном экземпляре. Семья у них была крепкая, но уступить горшок никто не соглашался. На этот раз маленькая, но сильная Аська протаранила входную дверь первой, лидируя, проскочила половину холла, пока ее не обогнал Вовус. Теряя победу, Ася вцепилась пальцами в его вязаный свитер, они оба завозились и потеряли скорость. И тогда в туалет первой заскочила Верка.

– Змеюка! – завопила Ася.

– Выходи, подлый трус! – поддакнул Вовка, неожиданно развеселившись.

Аська хихикнула, но, сделав большие глаза, рванула по лестнице вверх. Пожалуй, ее приперло и терпеть дальше было некуда.

Проводив взглядом стройную фигурку жены, Вовус сердито поцарапался в дверь туалета. Через минуту Вера вышла из комнаты уединения нарочито медленно и спокойно.

– И что вы так нервничаете, молодой человек? – спросила она, приподняв в издевательском изумлении широкие черные брови над наглыми ясными глазами.

Вовка только и успел покачать головой с выражением самого глубокого осуждения и спешно нырнул внутрь.

Как только за ним закрылась дверь, Вера потушила в туалете свет.

– Верка! Ты свет выключила? – крикнул Вовка из туалета.

– Нет, это у тебя глаза лопнули! – вернула домашнюю заготовку его сноха.

– Ну ты и зараза!

Давясь смехом, Вера убежала на второй этаж.

Через десять минут Вера, Вовка и Ася уже пили кофе с плюшками и говорили о пустяках. Они уютно разместились за большим обеденным столом в гостиной.

Вера, лакомясь шоколадными конфетами, рассказала, что у Аленьки новая учительница по рисованию. Молодая женщина, очень симпатичная, но сильно заикается. Ученики прозвали ее Татата. Ее имя – Татьяна Николаевна, а когда она представляется, то всегда говорит: «Здравствуйте, меня зовут Та-та-та-татьяна Николаевна!». Заикается на своем имени! Некрасиво смеяться, но и удержаться трудно.

Ася рассказала сплетню об их заведующей складом, которая влюбилась в молоденького охранника. Она совсем с ума сошла, потому что любовь у них случается в подсобке, а это же чистая антисанитария.

Сестры хохотали, но Вовус серьезно пообещал:

– Уволю обоих, если все это правда...

О работе он думать не хотел и тему развивать не стал. Вместо этого Вовка принялся за свежайшую выпечку. Заметив, как четвертая плюшка исчезает во вместительной пасти Вовуса, Ася послала ему взгляд полный ненависти. Вовус самодовольно ухмыльнулся и взял из вазы пончик номер пять. Кофепитие ему портило только отсутствие брата.

Заметив, что чашки уже опустели, Вера отправилась в кухню. Совсем недавно Лешка купил в Дом настоящую кофемашину, приспособленную к бытовым условиям, и теперь можно было баловаться настоящим эспрессо сколько угодно. Честно говоря, некоторые, а именно сама Вера, пару раз добаловались до полной бессонницы. Но это их (Веру) ничему не научило.

В холле она услышала, как к дому подъезжает машина. Можно было не сомневаться, что наконец-то приехал Лексус.

– Ну, где же ты был?! – спросила она с веселым возмущением, открывая мужу дверь. – Все заждались, Вовус шипит и плюется!

– Я тут! – ответил ей Алексей своим густым, сочным голосом. И громко крикнул на весь дом и на пол-леса в округе: – Я тут!

Вера схватилась за голову и рассмеялась, а из гостиной выскочил Вовус:

– Черт тебя возьми, Лексус! Почему ты телефон отключил?

– Вот он, – предъявил ему брат свой сверкающий яркими красками айфон. – Р-работает как зверь!

– О, прибахлился! – заметила Ася, появившаяся на пороге следом за мужем. – В Гродине еще и не продаются эти штуки, а он уже прикупил! Фраер ты, Лешка, вот что!

Лексус дружески приобнял ее и подмигнул:

– Попроси как следует мужа, он и тебе такую штуку купит!

Ася отпихнула его чуть менее ласково, чем следовало бы.

Запихнув дорогую игрушку обратно в карман, Леха ткнул брата кулаком в живот, тот сыграл боксера в нокауте. Братья рассмеялись, ловко встретились в воздухе ладонями. Раздался звонкий хлопок.

Они были очень разными, эти братья Пушнины. Младший, Лексус, был высоким и светловолосым, как и мать. Черты лица у него были правильными, симметричными. Он походил на военного в штатском – стрижка короткая, осанка прямая, движения точные, взгляд внимательный. Лексус Пушнин имел заслуженную репутацию харизматичного типа с амбициями. Впрочем, обаятельного харизматичного типа с амбициями, позитивного, инициативного и решительного. Каким-то образом он всегда оказывался в центре событий, в самой воронке, а события и люди крутились вокруг Лексуса с нарастающей центростремительной силой.

Вовус был совсем другим. Внешне он больше напоминал отца, умершего несколько лет назад: темноволосый невысокий мужчина с грубовато вылепленным лицом, ничем особо не примечательный и не выделяющийся из общей толпы. Из всех ролей на сцене жизни Вовус предпочитал роль серого кардинала, но парадокс заключался в том, что, как бы он ни старался оставаться в стороне, все равно оказывался втянутым в самую гущу событий.

Свои обязанности они с братом делили примерно так: Лексус взбирался на броневик, чтобы вести за собой народ, а Вовус тот броневик раздобывал, заправлял, пригонял и собирал на перроне толпу.

За четвертой чашкой кофе Пушнины, до того перебивавшие друг друга каждую секунду, примолкли. Вера загляделась в окно, откуда был виден осенний лес и немного неба, затянутого неизвестно откуда взявшейся сизой тучей. Ветки деревьев склонились в одну сторону, значит, тучу пригнал ветер. Из этого следовало, что предчувствия Веры подтверждались – погода портилась.

Проследив за взглядом снохи, Вовка догадался о ее мыслях.

– Сегодня в городе Ангелину встретил, – прервал паузу Лексус.

– Ангелину? – переспросила Вера, оборачиваясь к нему.

Вовка глянул на Асю. Его красавица жена явно страдала, борясь с желанием съесть восхитительную плюшку. Выражение лица Аси было обиженным, как у ребенка, которому мама запретила есть конфеты. Слышала она, в какую сторону свернул разговор за столом, или нет, было неясно.

Алексей, подтвердил:

– Да, Ангелину Метелкину.

– Как Вася? – спросил Вовус, продолжая смотреть на страдалицу.

Словно зомбированная, та протянула руку к хрустальной вазе и задержала ее над пышной маленькой булочкой с лимонной начинкой. Теперь вид у Аси был по-настоящему мученический. Объективно, зрелище было комичное, но Вовка даже не улыбнулся.

– Умер, – услышал он слова брата. – Год лечился в Германии, ну, вы знаете, я вам говорил. И вот умер.

– Как жаль его, – вздохнула Вера. – А Ангелину еще больше жаль. Она, наверное, подавлена?

– Да, – кивнул ее муж, откусывая значительный кусок от пончика с шоколадом. Прожевал и добавил: – Мы говорили с ней минут пять, наверное. Она осунулась, седая вся. Руки трясутся. Сколько ей лет? Тридцать?..

– Бедная Геля, – сказала Вера.

Склонив голову к плечу, Ася погладила сжатую в кулак руку сестры.

– Верочка, давай не будем об этом. – Она улыбнулась сестре. – У Ангелины сын остался, она переживет. Давай-ка я кружки помою?

– Ой, я сама!

Инстинкт хозяйки в Вере был невероятно силен. Она подскочила с табуретки и взялась убирать со стола. Ася допила кофе, Вовус сыто потянулся, Леша достал телефон.

– Ты вообще где был-то? – спросил старший брат младшего.

– Сломался. То есть сломался я еще вчера, а сегодня заехал на СТО, к Авдею, и оказалось, что быстро починиться не получится. Там у меня какие-то трубки дурацкие в аккумуляторе свистят. Даже разбираться не стал. Заплатил три тысячи за эти трубки... А, нет, – поправил он себя, поймав недоумевающий взгляд брата, – не только за трубки. Еще они мне масло сменили, тачку помыли, внутри пропылесосили. В общем, за заботу и уход.

– А чего сразу не сказал? – продолжал докучать Вовус. Он был занудой, что не лечилось. – Ты сказал мне – заведи Веру, я потом буду, – мог бы и объяснить, что к чему!

– Некогда было объяснять! – хмыкнул Лексус весело и достал свой айфон. – Позвонил позже, а связи нет. О, смотри, а сейчас – есть!

Составив посуду в раковину, Вера вернулась к столу.

– Леша, покажи нам ту запись, что Аленушка сделала! – попросила она мужа и пояснила остальным: – Помните, она ко всем приставала со странными вопросами?..

– Да, кстати, – оживилась Ася, все же устоявшая перед гастрономическим искусством. – Я так и не видела, что получилось!

Тот послушно стал рыться в памяти телефона.

– Вот оно!

Ася и Вовус потянулись к экранчику айфона. Алексей запустил видео, и Пушнины увидели лицо Аленки, восьмилетней дочери Веры и Лексуса. Она снимала сама себя в директорском кабинете отца и дяди, в центральном супермаркете КУБ (Качественно. Удобно. Быстро). Девочка была очень похожа на Асю, но полностью всей красоты своей тетки она не унаследовала. Тем не менее в ней чувствовалась врожденная женственность, и она явно унаследовала от отца его обаяние.

«– Я передачу видела, – заговорила Аленка, глядя в камеру. Девочка явно подражала журналистам «в телевизоре», но речь ее звучала неестественно и напряженно. – Там говорили, что если погаснет солнце, то солнечный свет будет светить на Землю еще восемь минут, потом Земля потеряет ось и улетит в холодный космос. И атмосфера пропадет куда-то, и нам будет нечем дышать, и без солнца мы замерзнем. А до этого будет восемь минут, ну или чуть больше. Ася, что бы ты делала в эти восемь минут?»

Аленка перевела камеру на свою тетю.

– Я бы... – Улыбка Аси была задумчивой, она понимала, что момент – воспитательный, и хотела найти правильные слова. – Я бы постаралась вспомнить все лучшее в моей жизни. Попрошалась бы со всеми...

– А потом съела бы целый торт со сгущенкой! – влез в ее откровения Вовус, появившийся, как черт из табакерки, из-за плеча жены.

– Вовка! – закричала Ася возмущенно и рассмеялась.

– Вов, а ты? – Аленка нашла новую жертву для провокаций.

– А я бы запретил маленьким девчонкам задавать глупые вопросы!..»

Тут картинка закрутилась, потому что Вовус схватил племянницу под мышки и завертел по кабинету. Басистый хриплый смех Вовуса, истошный визг Аленки и Асины псевдосердечные окрики «Да отпусти ты ребенка, дурак!» звучали еще почти минуту, после чего картинка замерла.

Лексус тут же нажал пальцем на следующий файл, и последовало продолжение сюжета.

«– Мам, а ты? Что бы делала в те восемь минут после того, как солнце бы погасло?»

(На экране айфона появилась Вера в оцифрованном варианте. Вера из плоти и крови прошептала: «Какая же я страшная!» – «Ты не страшная, а глупая!» – так же тихо ответила ей сестра.)

– Я бы тоже съела торт, – ответила Аленке мать абсолютно серьезно. – Зачем ты такие вопросы задаешь?

– Просто интересно. А ты, пап?

Лексус выглядел умно и иронично. Пока он выдерживал мхатовскую паузу, его брат высказался о наболевшем:

– А я бы морду набил тем уродам из налоговой, которые... Хотя, – засомневался он, – вряд ли успел бы. Если солнце погаснет, то лучше всего...

– Застрелиться, – закончил за него Лексус. – Солнышко, – обратился он к дочери, – вопрос ты придумала хороший, но не тем людям его задаешь. Поискала бы кого поумнее!

Тут в камере все снова завертелось – на этот раз ребенка подхватил на руки отец.

– Леша, я чай налила...»

На словах Веры запись кончилась. Зрители одобрительно, хоть и немного натужно рассмеялись.

Часть вторая Аперитив

Ася

Задержавшись между дверью в душ и рабочим столом с раскрытым ноутбуком, за которым сидит Вовка, Ася медленно расстегивает клетчатую рубашку. Раздеваясь перед Вовкой, она не заигрывает с ним. Просто собирается принять душ, и больше ничего. Не смотрит на него игриво и томно, как бывало лет десять назад, когда они не были женаты и Ася отчаянно мечтала жить богато и счастливо.

В зеркальной створке дверцы шкафа Ася видит мужа. Он поднимает голову, наблюдая за женой усталыми отчего-то глазами, и трогает пальцем свои губы, как будто они потрескались и болят. Ася догадывается – ему небезразлично то, как она выглядит, но сказать об этом он, само собой, не в состоянии.

Ася привыкла к его, мягко говоря, сдержанности. Он никогда не умел ухаживать, очаровывать, дарить милые мелочи, говорить приятные вещи. Пришел – увидел – победил. Таким методом он в свое время завоевал Асю. А было ей в то время шестнадцать лет. Асе льстило, что за ней ухаживает не мальчишка из параллельного класса, а взрослый двадцативосьмилетний мужчина, который в данный момент занят созданием собственного бизнеса. Ей даже нравилось, что он был таким – холодноватым, иногда резким, обычно очень занятым, часто погруженным в собственные мысли, несмотря на присутствие юной и безумно хорошенькой девушки.

Только со временем Ася стала понимать, что достойна лучшего. В Гродине, да и везде, где Ася успела побывать за свои двадцать девять лет, мужчины, и стар и млад, с ума сходили лишь только при одном ее появлении. Compliments, многозначительные намеки, вожделенные взгляды, откровенные приставания, ничего не значащие подарки, обязывающие презенты – вот без чего не обходился ни один ее день. И только Вовус не понимал, что мужчина, которому досталось сокровище, должен делать все, чтобы его не лишиться. А он даже не ревновал жену!

Иногда это провоцировало.

Ася вдруг вспомнила события пятилетней давности, в день выступления Олега Видаля. Тем летом знаменитый музыкант приехал в Гродин с сольным концертом, без своего легендарного «Алхимика», планируя появиться перед земляками только один раз. Вера с Асей и Вовка, большие поклонники рока в целом и Видаля как ярчайшего его представителя, чуть ли не первыми купили билеты на концерт кумира. И – кто бы сомневался! – в первый ряд.

Все два часа, которые Видадь провел на сцене городского концертного зала, Пушкины провели в состоянии полного экстаза. Несколько раз софиты направлялись в зал, и Ася, конечно, попала в поле зрения рок-музыканта. Последняя песня, Асина самая-самая любимая, «Икар», звучала последней, и Видадь сошел с подмостков. На глазах у всех присутствовавших он подошел к жене Вовуса и вывел ее на сцену. Он гипнотизировал Асю взглядом своих светлых глаз, а после песни шепнул ей на ухо, что будет ждать в своей гримерке.

Решив подразнить мужа, Ася сообщила ему, что примет приглашение Видаля, на что Вовус совершенно серьезно ответил:

– Если хочешь, я подожду тебя в машине. Услышав это, Ася с трудом сдержала разочарование и внезапно вспыхнувшую обиду.

По секрету – об этом она даже Вере не рассказала – в гримерке ничего не пристойного не произошло. Видадь встретил ее с мокрыми после душа волосами, одетый очень элегантно. Затем повел в «Джаз». В ресторане они беседовали на всякие душевные темы, а после Олег

отвез ее домой на такси. Возможно, утешала себя Ася, их вечер с Видалем завершился совершенно иначе, если бы она не призналась, что замужем.

Вовус к приезду Аси спал. Утром он поинтересовался, как прошел ее вечер. Ася таинственно опустила взгляд, приготовившись к интригующему разговору с большими перспективами, но тут у Вовуса зазвонил телефон. К прерванной беседе он больше не вернулся.

А ведь если бы он не был таким равнодушным, убеждала себя Ася, в их жизни не случилось бы огромного горя, их дочь осталась бы жива.

Ася замечает взгляд Вовуса – он пытается сосредоточиться на своих делах, но не может отвлечься от мыслей о ее теле, скрытом легкой тканью клетчатой рубашки. Его чувства для Аси – не секрет: Вовус взволнован до такой степени, что от желания ему трудно дышать.

Ася с трудом сдерживает зевок. Муж, как и большинство других мужчин в этом мире, видит только ее тело. А что спрятано в душе Аси – это ему безразлично. Мало того что он относится к ней как к собственности, ему еще и нет дела до того, что на уме у собственной жены.

«Возможно, – замечает про себя Ася, приглядываясь к своему отражению в зеркале, – это и к лучшему!»

Ася вспоминает, что впервые эти мысли появились в ее голове в конце детства, а именно после смерти папы. Сиротами они с сестрой стали не в один день: у мамы была шизофрения, а у папы из-за этого не выдержало сердце. Много лет он наблюдал, как его любимая женщина превращается в чудовище, и после того, как она выбросилась из окна их квартиры на восьмом этаже, у него случился первый инфаркт.

Умер папа через десять месяцев, с тех пор Ася и стала думать о смерти. Не каждую минуту, ведь в наследство от мамы ей достался хороший запас жизнелюбия. А все-таки довольно часто Ася вдруг задумывалась: что чувствуют мертвые? Как это – не жить? Каково это – умирать? Она вспоминала маму, папу, представляла, как это будет происходить с ней, поверив и приняв ту истину, что если ты родился, то обязательно и умрешь.

Иногда смерть казалась ей огромным бриллиантом со множеством граней. Грани искрились и переливались разными цветами, смерть выглядела все менее пугающей, все более интригующей. В подростковом возрасте мысли о том, что ждет ее там, на том берегу, превращались в навязчивое состояние, которое Асе нелегко было скрывать от окружающих, позже она стала возвращаться к этим мыслям гораздо реже, но совсем отделаться от них не могла. Но ни разу Ася не попыталась перейти к экспериментам на тему умирания – инстинкт самосохранения оказывался сильнее любопытства.

А все-таки как себя чувствуют мертвые?

Краем глаза Ася замечает, что в глазах мужа заметно не только вожелание, а еще и что-то иное, непонятное. Может быть, это обида, а может, нечто иное. По сути, ей не интересны его чувства, но вдруг Асе становится жалко Вовуса, жалко, потому что где-то в глубине души она ощущает свою вину.

Способ выразить свою жалость, тем самым успокоив собственные неприятные ощущения, она знает только один.

Ася поглаживает блестящий светлый локон, проводит ладонью по загорелому бедру, оглядывается. Идет к мужу походкой пантеры, смотрит прямо в глаза. Именно это больше всего возбуждает Вовуса – и он выпрямляется на месте, подается вперед. И все равно – замечает Ася – взгляд мужа по-прежнему печален и тревожен. Тогда она спускает рубашку с плеч, роняет ее на пол. Теперь все меняется: он вздыхает, будто бы ему тринадцать и женское обнаженное тело он видит впервые в жизни. Не сводя глаз с груди жены, Вовус встает ей навстречу, подхватывает на руки и относит в постель.

Ощущая поцелуи мужа на своей шее, она не то чтобы безумно возбуждается, но ощущения испытывает приятные. Ловким движением он стягивает с нее красные трусики...

Да, соглашается сама с собой Ася, им было хорошо вместе. Вполне хорошо.

Проходит всего несколько минут, и Вовус откатывается на край постели.

– Что случилось? – спрашивает Ася. Она чувствует себя немного глупо.

– Меня тошнит, – говорит он глуховато.

– Скушал что-то?

Брови Вовки на мгновение страдальчески изламываются, но вот он уже улыбается:

– Скушал уши у Гаврюши!

– Ты шутишь? Тебя не тошнит?

– Тошнит, – еще одна улыбка, – ничего, я сейчас таблетку съем, и все пройдет. Прости меня.

В ответ она растягивает уголки губ.

Ася забывает о постельном ляпсусе мужа, как только переступает порог ванной комнаты. Она забывает и о самом Вовусе, сорокалетнем серьезном мужчине с седеющими висками и непонятным рассредоточенным взглядом. Только о десяти совместно прожитых годах забыть не получается. Они были неплохими, эти годы. Думая о прошлом, Ася словно прощается с ними.

Ей было лет пятнадцать, когда она начала мечтать о добром волшебнике, который вошел бы в ее мир, в ее дом, в ее жизнь, вдруг избавив их маленькую семью от бедности. Да, в те времена они с Верой были очень бедны.

Ася училась в девятом классе, а старшей сестре, едва успевшей окончить школу, пришлось найти работу, иначе они бы голодали. Вера освоила парикмахерское ремесло в дешевом салоне красоты, работавшем прямо на первом этаже их пятиэтажки. Стригла пенсионеров и малышей, потому что умела быть терпеливой и к тем и к другим. Ася прекрасно помнила, как, вернувшись после двенадцатичасовой смены, сестра брала в одну руку учебник, в другую – бутерброд и садилась за письменный стол. Бутерброд она съедала – молодая и всегда голодная, – а книга становилась подушкой.

Ася и сейчас хорошо помнит, какие тряпки ей приходилось носить! Кое-что она пыталась шить сама, но смотрелись эти вещи ужасно, а ей, хорошенькой девушке, было нестерпимо стыдно выглядеть оборванкой.

«Ох, – думала Ася, глядя на своих более обеспеченных подруг, – вот бы мне кто-нибудь купил такие вещи!»

Мечтая о волшебнике, Ася представляла себе богатого родственника, например, но вместо него появился Вовка. С будущим мужем Ася познакомилась не самым приличным для девочки из хорошей семьи образом. До сих пор она скрывает эту историю от Веры – на всякий случай. Вера не из тех, кто может снисходительно посмеяться над прошлым. Она воспринимает все слишком серьезно.

Случилось это серым осенним днем, когда Ася с подружками, спрятавшись за высоким парапетом в парке, собирались покурить. Курение в те времена было рискованным приключением. Ася знала это, но курить в скверике за школой считалось шикарным, и даже самые хорошие девочки из класса делали это, как же Ася могла отказаться?

Вот так, втроем с одноклассницами, Анькой и Варькой, они пристроились за каменным парапетом, достали болгарские сигареты «Стюардесса» и начали искать спички.

– У меня точно были! – бормотала Варька, роясь в сумке.

Анька, всегда немного заторможенная, растерянно наблюдала за ее поисками, Ася устала сидеть на корточках и выпрямилась в полный рост. Мимо шел прохожий – молодой мужчина,

симпатичный, хорошо одетый. Ася склонила голову к правому плечу, пожалела, что у нее не накрашены губы, и окликнула его:

– Эй, парень!

Он повернулся к ней и замер на месте. В тот момент – и Ася ясно это запомнила – на его лице проступили по очереди удивление, восхищение, надежда, ожидание. Он потер глаза, будто опасаясь, что девушка эта – видение.

Ася рассмеялась от удовольствия: ей уже приходилось видеть подобное, наверное, на сотне мужских лиц и рож.

– Спичек не найдется? – спросила она.

С представителями противоположного пола Ася общаться умела. Или, правильнее сказать, обращаться, как обращаются с непредсказуемыми существами, вроде диких лошадей или крупных собак, покоряя, подчиняя, превращая мужчин в преданных слуг. В очень редких случаях Асе приходилось постараться, но Вовус был рад подчиниться раз и навсегда после первого ее взгляда.

– Найдется, – ответил он, доставая красивую зажигалку.

Под насмешливым, но поощрительным взглядом юной девушки, красивее которой он никого в своей жизни не видел, Вовка сделал шаг к парпету и протянул огонь. До Асиной сигареты оставалось еще сантиметров тридцать, но девушка не шелохнулась, дождавшись, пока мужчина не потянулся к ней сам, прикрывая огонь ладонью. Поведи себя Ася иначе, девчонки, сидевшие у ее ног за парпетом, сказали бы, что она держит себя как «шлюха у трех вокзалов». Кстати, как только Вовка подошел к парпету впритык, обе Аськины подруги тут же вскочили, будто те трое из ларца: что тебе, новый хозяин, надо?

Вовка даже слегка испугался, отпрянул и рассмеялся вместе со всеми.

Ася очень боялась, что Анька с Варькой каким-нибудь образом выдадут, что они школьницы и прячутся тут от всех, в страхе получить на орехи за курение. Но подружки поляну просекли – Варька небрежно упомянула, что у них еще «лекции», а Анька технично вписала в свой небольшой приветственный монолог два волшебных слова: «семестр» и «коллоквиум». Молодцы, девки!

Надо сказать, Вовку надуть им удалось виртуозно, что Ася сумела использовать и в дальнейшем. После той, первой, встречи Вовус ухаживал за ней целый год, не догадываясь, что его девушка – старшеклассница. И не просто встречался. Между ними уже происходило то, что согласно законодательству можно было бы трактовать как соращение малолетних.

Сказать правду Асе пришлось немного позже, получив предложение руки и сердца, ведь ей едва исполнилось семнадцать. К тому же пришло время знакомить Вовку с единственным родным человеком – сестрой, что не могло не привести к разоблачению. Улучив удачный момент, в постели, сразу после акта любви, Ася покаялась во лжи.

К признанию невесты Вовус отнесся с веселым ужасом, после чего некоторое время дразнил ее «малявкой» и дарил по поводу и без смешных плюшевых зверей. Обижаться Асе не приходилось – ее афера сошла с рук.

В остальном жених нравился Асе все больше: у него водились деньги, так как он занимался мелким бизнесом. Вовус не жадничал, покупал все, что Ася просила, не упрекал ее за страсть к вещам и веселым развлечениям. И пусть он не умел говорить комплименты, отменял из-за дел свидания, мало интересовался Асиными делами – все это компенсировала его щедрость.

А еще у Вовки была собственная квартира, холостяцкая, но очень неплохо обустроенная. Представляя себе, что она может войти в эту квартиру в качестве хозяйки, Ася чувствовала, как сладко ноет ее сердце. «Хочу-хочу, – стучало оно. – Хочу-хочу!»

Ася помнила, как отреагировала Вера, узнав, что сестра собралась замуж.

«Господи, – усмехается Ася, подставляя лицо и грудь под горячую воду, – как же Верка орала!»

Не было секрета в том, что временами Вера была совершенно невыносима! Пока они жили вместе, Ася чувствовала себя солдатом срочной службы. Старшая сестра загоняла ее в постель в половине десятого, запрещая даже читать на ночь. Утром будила в половине седьмого и заставляла делать зарядку. В сладостные вечера выходных дней цербер Вера строго следила, чтобы Ася возвращалась домой не позже десяти вечера. Иначе ее наказывали. Просто и эффективно: Асе не давали денег. А деньги девочке всегда были нужны – на сладости, косметику, сигареты (тсс!), на всякое-разное, в чем нуждается молоденькая девчонка.

И после замужества Аси сестра исхитрилась вмешиваться в ее жизнь. Она постоянно пасла Асю, лезла с советами, поучениями. Особенно злило младшую сестру, что и Вовус часто принимал сторону Веры. Вера считала, что Асе не стоит водить большой паркетный внедорожник: он тяжелый, неженственный, много жрет бензина – совершенно ни к чему ей такой автомобиль! Ася говорила, что это Веру не касается, потому что в автомобилях она не смыслит ничего и даже водить не умеет.

«Меня это касается! – жестко говорила сестра, сдвигая свои густые черные брови. – Ты с такой машиной не справишься, а водить любишь быстро. Вдруг разобьешься на этом монстре?!»

Тут и Вовка присоединился к воспитательной беседе: Вера права, Вера знает, что говорит, Веру слушать надо!

«Фу, достали!» – закатывала глаза Ася, но всегда делала то, что ей говорили. Так было спокойнее жить, ведь если не послушать Веру, небо станет с овчинку. Кроме того, Ася уже убедилась, что сестра слишком часто оказывается права.

Единственным человеком, которого Вера никогда не поучала и прощала все, был ее драгоценный муж.

«Любовь, – посмеивалась Ася. – Вот такая мыльная опера!»

Их брак был скоропалительным, залетным. Алексей даже пытался отвертеться от женитьбы, но Вера так плакала на плече сестры, что Ася сама расстроилась и решила: надо помочь! То был чуть ли не первый случай, когда Асина железная сестра ревела белугой.

Ася пошла к мужу и заявила: делай что хочешь, но твой брат должен жениться на моей сестре! Тогда Вовка произнес в ответ очень странную фразу:

– На хрен он ей сдался!

Асе показалось – вся эта затея мужу совершенно не понравилась. Но ради жены с братом он поговорил, а в результате свадьба Веры и Лексуса состоялась. Это было ровно десять лет назад, в октябре, в самый разгар бабьего лета. Годовщину того события отмечали неделю назад в кафе «Хемингуэй».

Семейная жизнь Веры Асю страшно изумляла: сестра терпела все выходки своего мужа, настоящего мачо, проявлявшего свою натуру без страха и упрека, а точнее, без стыда и совести. Он жил в свое удовольствие, не считаясь с интересами жены: придумывал новые бизнесы, путешествовал, покупал дорогие игрушки для больших мальчиков. Жене он отвел роль матери, домохозяйки, верного друга в деловых вопросах, но не больше. Скорее всего, в жизни красавчика Лексуса были и женщины, ведь Вера – растолстевшая после рождения дочери и болезненно похудевшая с полгода назад – никогда не была слишком привлекательной женщиной.

Но, как известно, в каждой избушке – свои погремушки, а в общем и целом до недавнего времени жизнь всех четверых Пушкиных была вполне счастливой. Самое главное, думала Ася, есть деньги, а с их помощью можно украсить любую судьбу.

Перемены стали ощущаться примерно с полгода назад. Ася с нарастающей тревогой, а потом и в ужасе наблюдала за тем, как меняется ее сестра. Вера все больше напоминала сломанного робота: говорила невпопад, теряла ключи, мобильники и важные бумаги, путала слова

и даты событий, была странной, растерянной, встревоженной. Несколько раз, приезжая в дом сестры поздно вечером, Ася замечала, что Вера пьяна, хоть и пытается скрыть это. У Аси было недостаточно оснований заподозрить, что в мозгу Веры просыпается мамина болезнь, но она точно знала, что всегда происходит именно то, чего боишься больше всего. И если все-таки это шизофрения, то алкоголь сестре абсолютно противопоказан!

Ася поняла, что надо что-то делать, и в один неудачный момент она заявила сестре, что той надо бы обследоваться у психиатра: наследственность – это ведь не шутки!

– Что ты чушь плетешь? – вдруг заорала Вера. – Какая еще наследственность? Какая еще шизофрения? Ты ничего не знаешь и не понимаешь! Отстань от меня и больше рот на эту тему не раскрывай!

Ася поняла, что простыми методами заставить сестру лечиться не получится.

Ася тянется за шампунем, стоящим на полочке у нее над головой. Оскальзывается, пугается, смеется...

Ее мысли снова возвращаются к мужу. Через некоторое время она скажет ему: прости и прощай! Она никогда не любила Вовуса так, как любил ее он. А теперь – Ася была в этом уверена – ушла и его любовь. Она догадывается, что Вовус не может простить ей смерть дочери, не верит Асиным объяснениям. Вовус не хочет даже представить, каково ей приходилось целые сутки крутиться с беспокойной девочкой! Ася с ног валилась, а муж и сестра думали только о работе, о своих супермаркетах. Что же касается свекрови, то даже сам Вовус не мог отрицать тот факт, что приглашать в няньки его мать означало только провоцировать скандалы.

Иногда Ася вспоминает свою дочь. Ее личико, так похожее на лицо Вовуса, только гладенькое, очаровательное, с точеным маленьким носиком, как у самой Аси. Огромные глаза девочки, чуть удлиненные к вискам, были темно-агатовыми, как у отца, и форма губ ей досталась отцовская – верхняя губка тоненькая, красиво очерченная, хитренькая, а нижняя – полная, будто бы надутая, обиженная.

Анечка.

Ох, как устала Ася от этих воспоминаний! Устала и от всей своей нынешней жизни с нелюбимым мужем, с надоевшей работой, с пустотой впереди. И не стоит ей винить себя в том, что она вцепилась в первый же шанс переменить свою жизнь.

«Все будет хорошо, – думает она, улыбаясь своим мыслям. – Все переменится в лучшую сторону!»

Вовка

Он возвращается из постели к рабочему столу, натягивая одновременно трусы и брюки. Путается в штанинах, усмехается своей неловкости, но мысли его уже далеки от постельных проблем. Он забывает о них, как только видит перед собой монитор компьютера.

Накинув рубашку, сброшенную на пол всего пять минут назад, Вовус садится за стол, тычет пальцем в черную блестящую плоскую кнопку на панели ноутбука. Ему надо поработать, по сути, оставить свое завещание. Краем глаза он следит за женой.

Ася встает с кровати, идет в сторону ванной, но рассеянно задерживается возле зеркала. Ей кажется, что грудь после родов уже не та и надо делать операцию по коррекции груди. Вера запретила ей даже думать об этом, и Вовка с ней согласен. Он своими глазами видит, что у его жены невероятно красивая грудь.

Длинными пальцами с ухоженными ногтями жена касается кожи немного пониже левой ключицы и подтягивает кожу вверх, приподнимая грудь. Она склоняет голову набок, серьезно и требовательно рассматривает себя в зеркале, поднимая груди ладонями.

Вовус не может не смотреть на нее. Ему почти больно. Больно где-то в центре тела. Руки Вовуса помнят, как это – держать грудь Аси на своей ладони, ощущать ее тяжесть и нежность. Чувствуя, что на его скулах играют желваки, Вовка отводит глаза.

Почему-то он вспоминает, как на их свадьбе отец произнес тост:

– У вас должно быть много детей, у тебя, сын, такая же красивая жена, как и у меня!

Отец вскоре умер от инфаркта, едва успев дожидаться рождения Вовкиной дочери. Дедушка так и не узнал, что маленькой девочке, принесшей столько счастья всей семье одним фактом своего рождения, выпал недолгий век.

Сейчас думать об этом точно не следует.

Ася исчезает за дверью ванной комнаты, и Вовка теребит кончик носа, соображая, с чего бы ему начать. Он вспоминает – с Интернета. Для этого ему нужно подключиться к Всемирной сети.

Устало и раздраженно Вовус шарит руками по столу, припоминая, куда он сунул USB-modem. Гаджет все не находится, Вовус хрипло бормочет проклятия. Он должен был предложить брату и Вере с Асей суперидею нового бизнеса много времени назад, но идей у него не было и нет. Он знает, что этим вечером Лексус, Вера и Ася ждут от него настоящего сюрприза, а чертов модем куда-то запропастился!

Вовус лезет за сигаретами в карман брюк и находит пропажу: овальный пластиковый корпус размером с зажигалку, украшенный ядовито-розовым логотипом оператора сотовой связи «Камелот». Подключив Интернет, Вовка начинает серфить просторы виртуального пространства.

Полистав новости в поисковых системах и на избранных сайтах, находит интересующий его подкаст про перспективные виды бизнеса, но, прослушав всего треть передачи, теряет интерес. Не стоит – сказал бы Лексус.

Лехе в этом смысле повезло гораздо больше, чем старшему брату. Кажется, у него на все стоит: на бизнес, на телок, на всякие хобби, на путешествия и развлечения. Он как хорошее горючее – воспламеняется с первой искры, не дымит, не коптит. Вовус всегда восхищался этим даром брата – умением жить интересно, ярко, со вкусом, со смыслом, получая удовольствие от каждого своего дня. Вовка не таков: начиная что-либо, в первую очередь он видит препятствия, будущие провалы и ошибки. Что бы он ни делал, он морочится и заботится, парится и пыхтит, а получив результат, вместо удовлетворения испытывает только разочарование – а стоил ли тот вложенных трудов? Вовка и сам знает, что он – зануда, но измениться ему не дано...

В портфеле для ноутбука есть специальный раздел для бумаг. Сегодня в нем лежит файл. В файле – документы на продажу сети магазинов КУБ. Этим вечером, перед ужином, Вовус, вместе со своими родственниками и партнерами, подпишет эти бумаги.

Решение о продаже дела своей жизни Вовус принял только потому, что знал – без него семейный бизнес рухнет. Лексус просто не способен заниматься повседневными делами, развивать стабильное предприятие, держать в голове всякие скучные вещи, вроде отчетов для налоговой и правил санитарного контроля. А Вера, на которую в любое другое время Вовус положился бы безоговорочно, явно была нездорова. Вовус спросил у нее, что происходит, но она отделалась общими фразами. Впрочем, и сам Вовус сейчас не в себе. Как поется в одной песне – он словно в ссоре с головою, словно сам себе он враг.

А до церемонии подписания судьбоносного для Пушниных договора Вовус обязан сделать две вещи. Во-первых, не испортить этот последний вечер своим мрачным видом, а во-вторых, оставить брату и его жене перспективную идею нового бизнеса. Лексус может запросто спустить все деньги от продажи сети супермаркетов на всякие нереальные планы, безумные прожекты, а вот последнюю волю старшего брата он оспорить не решится. Но в том-то и дело, что именно Лексус всегда был генератором идей, Вовуса все новое только пугает.

– Вашу мать, черт возьми, провались все пропадом, ну что же им предложить? – в отчаянии ругается полусшепотом Вовус. – Может, какая-нибудь гребаная франшиза?..

Он злится, отлично понимая, что по сравнению с идеей супермаркетов все кажется ерундой.

Гениальную идею открыть первый в Гродине магазин самообслуживания подал, ясное дело, Алексей, после чего укатил на полгода к другу в Израиль, якобы для того, чтобы набраться идей для развития бизнеса. Интересно, что друг, живший в Израиле, не имел ни малейшего отношения к супермаркетам. Возможно, наведывался в один из них за продуктами, но не более того. Лексус прожил у друга почти семь месяцев, причем за счет хозяина. Тем временем Вовка отправлял брату «командировочные», прекрасно зная, что деньги пойдут на развлечения, путешествия, покупку разных игрушек для больших мальчиков – от мотоцикла и до мобильного новейшей модели, на счете которого никогда не было денег. Но таков был Алексей, и с этим ничего нельзя было сделать.

За эти полгода Вовка воплотил мечту брата и открыл в Гродине первый супермаркет. Леха настаивал, чтобы это было громадное собственное здание в центре города. Но Вовка открыл небольшой по площади магазинчик в спальном районе. Ассортиментом занимались Ася и сам Вовус, ценовой политикой, набором персонала и всем прочим – Вера. Первый гродинский супермаркет открылся, заработал и сразу же стал приносить фантастические прибыли. Это было чудо чудесное.

Как только об успехе дела разузнал Лексус, он тут же покинул землю обетованную и примчался домой. А впервые перешагнув порог супермаркета КУБ, Алексей тут же заявил, что все в этом магазине «говно». Вовка, не выносивший подобных выражений в принципе, попросил брата заткнуться. Но не тут-то было!

В те времена слово «мерчандайзинг» было неизвестно и непонятно. Товары на полках расставлялись просто тематически – хлеб с макаронами, шоколадки с жвачками. Лексус тут же прочитал своим родным и близким пространную лекцию на тему научного подхода к раскладке товаров, а потом затеял экскурсию по торговому залу. У каждой полки он вещал, как правильно расставлять товары, как правильно размещать холодильники, стеллажи, куда цеплять рекламные плакаты, ну и прочее.

Вовка, хоть и злился на младшего брата, быстро сообразил, что тот говорит дело. Вера, как и обычно, слушала помалкивая, а вот Ася была до глубины души возмущена поведением деверя. Пока он развлекался на берегу Красного моря, они тут ночей не спали! Своими руками сделали ремонт, сами привезли и установили торговое оборудование. Вовка сам занимался

кассами, наладил товароучет и прочую бухгалтерию. Вера два месяца работала кассиром, сама Ася объездила всех поставщиков в области, выбирая для их супермаркета лучшие продукты и оптимальные цены. А Лексус приехал на готовенькое и поучает!

Свои соображения она тут же выдала вслух. Алексей ответил ей в пренебрежительном тоне – она была всего-навсего девчонкой, с которой жил его брат. К тому же глупой и наглой. Ася послала его на три веселые буквы – девушкой Ася была языкастой. Вовка попытался растащить петухов, Вера стала на сторону сестры.

Как бы ни любила она своего мужа, а, как все знали, любила она Алексея до самозабвения, в любой ситуации Вера поддерживала сестру.

... Часто, гораздо чаще, чем следовало бы, учитывая, что Вовус был счастливым семьянином, он думал: как же повезло брату с женой! Лешка не заслуживал Веры. Ни для кого не было секретом, что и женился он без любви, и жил только своими интересами. А не так давно Вовус узнал нехороший секрет: брат крутил роман с одной их общей знакомой. На самом деле безапелляционных доказательств у него не было. По сути, Вовус и не увидел ничего особенного: только то, что его брат проводил вечер в загородном ресторане «На объездной» в компании каких-то своих друзей и вместе с той женщиной, Оксаной. Но это был роман, решил Вовус, наблюдая за тем, как держалась с Лексусом Оксана, а правильнее сказать, как позволял ей вести себя Лексус. Женщина липла к нему, вилась возле него, как назойливая осенняя муха: трогала за плечо, гладила его щеку, брала за руку, изображая гадалку, кормила со своей вилки. Вовусу смотреть на это было противно, и он понял – если Лексус терпит подобную фамильярность, выходит, его это не раздражает. А следовательно, он влюблен.

* * *

После первого супермаркета КУБ в городе открылась целая одноименная сеть. Собственное дело захватило Вовку. Еще совсем недавно он совершенно не стремился стать директором продуктового магазина. Мечтал заниматься компьютерами и прочими железками, а также программным обеспечением, в котором разбирался и благодаря собственной склонности, и благодаря образованию.

Но суждено было сбыться не его мечтам, а планам Алексея. Младший брат всегда лидировал в их братских отношениях. Лешка придумывал что-нибудь зашибенное, Вовка его поддерживал. Потом Лексус терял к своей выдумке всякий интерес, а Вовка либо пожинал плоды забытой братом идеи, либо огребал по полной за проделку. Иногда было и то и другое.

Один из первых масштабных планов Алехи родился в восемьдесят пятом, когда Вовке было двенадцать, а Леше – восемь. Рядом с их домом началось строительство огромного здания, предназначение которого было неизвестно. Осенью рабочие вырыли солидного размера яму для фундамента, а потом что-то не задалось, и котлован, огороженный забором, был заброшен на всю зиму. Осенью полили дожди, в начале зимы с неба падал мокрый снег, и к февралю яма оказалась заполнена водой. Зима была не слишком холодной, поэтому вода не замерзала. Немного льда образовывалось у самого края рукотворного озера, но не дальше.

Идея построить плот родилась в голове Лешки, когда он стоял рядом со старшим братом у самой воды и восхищался невероятными возможностями, которые эта лужа обещала местным пацанам. И как раньше они не догадались преодолеть деревянный синий забор, чтобы высадиться на той стороне Луны?

Кстати, в одном месте забор тот перекосялся, и там сам бог велел отпилить метра полтора для плота. Алешка поделился этой мыслью с Вовкой.

Вовка тут же возразил, что если они не видят тут сторожа, это не означает, что его нет. Но идеей плота вдохновился. Он уже видел перед собой гордо бороздящую морские дали, иду-

щую к неведомым берегам каравеллу... Ну пусть не каравеллу, а устойчивый, конструктивно совершенный и, вообще, фантастический плот!

Весь остаток дня братья посвятили поиску подходящих досок, инструментов для работы и прочим подготовительным мероприятиям. Вовка нарисовал чертеж плота, сообразил, что сразу же надо сделать и весла. А еще им надо организовать доки прямо рядом с водой, чтоб не получилось, как у Робинзона Крузо, который построил шикарную лодку, но не смог дотащить ее до воды.

На следующий день, в воскресенье, когда, согласно утвержденным обоими братьями проектам, должна была начаться основная работа, оказалось, что мама не выпустит Алексея гулять. В его дневнике была обнаружена двойка по математике. Значит, воскресенье он должен посвятить занятиям. Тогда Вовка сам занялся плотом.

Мама все-таки выпустила страдальца на улицу часам к трем дня, но, увидев, что работа у старшего брата продвигалась медленно, а то, что получалось, выглядело вовсе не так великолепно, как замыслил Алексей, младший брат от своей затеи отказался. Его одноклассники затеяли игру в войнушку, он тоже хочет поучаствовать!

Достроить плот Вовке все же удалось. Плавсредство было сколочено криво и косо из старых досок, которые Вовка спер из брошенных домов, приготовленных к сносу. Гвозди вытаскивал из тех же досок, выравнивал их молотком и очищал ржавчину наждачкой. И плот стал на воду! Не пошел ко дну, а поплыл.

На следующий день, в понедельник, после школы они вместе с Лешкой спустили свой понтон на воду и до самой ночи наслаждались интереснейшим путешествием по северным морям. Они были викингами, которые шли открывать Америку за пятьсот лет до того, как сделал это великий и бестолковый Христофор Колумб.

А во вторник на плот мальчишек забралась шестилетняя девочка из соседнего подъезда, неизвестно какими судьбами оказавшаяся на заброшенной стройке. Девочка сумела оттолкнуться от берега, но управлять плотом даже с помощью весел не смогла. Причалить к берегу ей тоже не удалось. В итоге девчушка свалилась в воду, доходившую ей до подмышек, и еле-еле выбралась на берег.

Увидев мокрого ребенка, ее родители провели детальный допрос – где была и что делала? Они узнали и про залитый водой котлован, и про плот. Не составило труда выяснить, что плот построил Вова Пушкин...

Девчонка еще и серьезно заболела после своего приключения, поэтому ее родители стали искать виноватых с удвоенной энергией. Конечно, они пожаловались в горкомы и райкомы на заброшенную стройку без сторожей, но не забыли навестить и Вовкиных родителей.

Досталось ему тогда по первое число.

* * *

Вовка опирается о столешницу локтями, отрывает взгляд от монитора, опускает лоб в ладони и отдается воспоминаниям о лучших днях своей биографии. О том времени, когда начал расцветать их семейный бизнес. Да, вот именно тогда они, все четверо, были счастливы. Не потому, что у них с каждым днем прибавлялось денег. Вовсе нет. Деньги – это было очень хорошо, но, самое важное, их прибавление давало чувство успешности, ощущение того, что им везет, что жизнь удастся.

И именно тогда Вовка чувствовал, как они, все четверо, едины. Они понимали друг друга с первого слова, даже с первого слога первого слова. Пусть они были совсем разными людьми, пусть каждый был не ангелом, но они были едины. Они были семьей.

А проблем хватало! Вот, к примеру, в супермаркетах процветало воровство. Воровали все – и посетители, и продавцы. Круговая порука среди персонала вовсе не шла на пользу. Раз

приходится платить за кого-то, так почему бы и самому не увеличить немного счет, прихватив домой банку кофе или упаковку сосисок?

Алексей взялся решить проблему быстро и эффективно. Он нанял больших дядек с пистолетами и крайне подозрительным взглядом, расставил их возле каждого стеллажа. Воровство прекратилось. Под взглядами этих громил даже больные самой тяжелой формой клептомании не решались поддаться влиянию своей болезни. Зато из супермаркетов исчезли и покупатели. Ни честному, ни бесчестному гражданину не хотелось теперь делать покупки в КУБе.

Продажи падали. Вера докладывала об этом на каждой ежедневной планерке. Лексус только посмеивался: ничего, люди привыкнут и вернутся в КУБ.

– Надо что-то делать, – заключила Вера, опуская взгляд на свои коленки, в те времена еще весьма толстенькие. Ясно было, что она очень сердита, но ведь идею расставить охранников в торговом зале предложил Алексей, а идеи Алексея она никогда не критиковала.

Однажды случилось так, что здоровенный супермаркет КУБ наторговал за сутки товару всего на пять тысяч. Вовка здорово рассвирепел, ибо был конец месяца, надо было наскребать деньги на взятки. Он собрал своих родственников, чтобы обсудить ситуацию, но вместо этого наорал на брата:

– Ты всех покупателей распугал! Теперь я не могу наторговать даже на то, чтобы твоим верзилам зарплату заплатить! Убирай их к черту!..

Лексус сначала надулся, а потом объявил Вовке, что не черта из мухи слона делать.

– Ой, ну давайте проведем неделю скидок! – небрежно обронил он и собрался уходить. У него были занятия по теннису, обед со старым приятелем, японский массаж, ему надо было купить костюм, велосипед и стельки.

Ася проводила его репликой:

– Эй, а работать когда будем?!

Но Лексус уже исчез за дверью.

Вовка смотрел на Веру, она смотрела на него. Вовка всегда любовался ее глазами: ясными, широко распахнутыми, не умеющими лгать. Под темными густыми бровями, за которые Аська дразнила сестру Леонидовной, эти светлые глаза казались особенно яркими.

– Давай оборудуем магазины видеокамерами, – предложил он. – Охрану проредим, скидки организуем и...

– И освободим персонал от круговой поруки, – добавила она.

Охранников они не всех уволили. Один оставался в вестибюле или возле камер хранения, а другой следил за видеомониторами. Но теперь их присутствие не было столь пугающим. Очень кстати открылись и аптеки, которые работали так же, как и супермаркеты – круглосуточно, а их требовалось охранять.

Народ вернулся в супермаркеты.

Впоследствии Алексей очень хвалил брата и жену:

– Наконец-то учиться начали! Хотя что-то сами сообразили, без меня.

Вовка в ответ весело матерился, а Вера заметно краснела.

Тогда же Вовка переживал самый пик своей любви. Он обожал свою жену, гордился тем, что она, совсем молоденькая девочка, приносит делу реальную пользу, по-взрослому отвечает за свой участок работы, очень сложный участок, и не ноет.

При этом она была такой красавицей...

Нет, мать вашу через голову! Не подпишет Вовус этот контракт, а без его подписи Колодяжный ничего не получит, ибо Владимир Иванович Пушкин – генеральный директор сети супермаркетов КУБ. Его слово – решающее. Он вынимает файл из портфеля и примеряется его разорвать, но останавливается.

Происходит естественная вещь: на рынке области объявился мощный федеральный сетевик, которому противостоять невозможно. Империи рушатся, что уж тут говорить о небольшом провинциальном предприятии?

Он берет со стола пачку сигарет, достает одну. Закусывает фильтр. Сколько он не курил? Пять лет? Покупая утром пачку, Вовка здорово удивился ценам на табак.

Щелкает «зиппой», закуривает.

«Я не умер потому, что не выкурил еще свою последнюю сигарету!»

Вовка усмехается, вспомнив один старый французский фильм.

Как ни странно, первая за пять лет затяжка не производит никакого особенного впечатления. Он с удивлением смотрит на сигарету и от разочарования тихо ругается матом.

Не подписывать контракт нельзя, говорит он себе. Остается коллектив, люди. Уступив Колодяжному, этому наглому нуворишу, он сохранит людям работу.

Вчера, в пятницу, он собрал сотрудников офиса и первого из открытых Пушниными магазинов, чтобы просто поговорить. Почти все уже знали, что происходит. Как говорится, медвежонка в мешке не утаишь. Выслушав директора, большинство опустили глаза, скрывая разочарование. Но самому Владимиру Ивановичу от этих новостей было куда хуже, чем его сотрудникам.

Анна Васильевна, главный бухгалтер, заплакала. Она была хрупкой романтической дамой за пятьдесят, внешне здорово походила на Маргариту Терехову в роли Миледи. Грузчик Дима раскричался, что это не годится, что надо бастовать. Почему мы должны москвичам все отдавать? Они уже весь город скупили! Дима, как и всегда, был в курсе всех политико-экономических процессов в городе.

Кассиры выслушали директора молча, администратор Света, о чьей прагматичности ходили легенды, осведомилась: а зарплата теперь какая будет?

Уборщица Лена, один из первых сотрудников КУБа, спросила, жалостливо подняв брови: а вы-то, Владимир Иванович, вы чем теперь займетесь? Владимир Иванович лживо улыбнулся и объявил, что у него планов громадьё!

«А вот что будут делать, мать вашу, Лексус и Верка?» – спрашивает себя Вовус снова и снова, потирая пальцами лоб.

Одной из последних и не очень удачных идей Лексуса был проект строить автономные дома для очень богатых местных мизантропов. Такие дома, как их собственный Дом.

В свое время Вовка серьезно раздумывал, не поддержать ли ему и эту придумку брата. Но в строительстве он мало что смыслил, а ведь братишка долго своим проектом заниматься не будет. Он бросит дело на Вовку с Веркой и исчезнет в неизвестном направлении.

Пришлось бы вступать в СРО, искать подрядчиков, всяких спецов в таких вопросах, в которых Вовус ничего не понимал. А из чего строить? Вот этот дом, их собственный Дом на горе Змейка, возводился из стройматериалов, привезенных из Америки. Поэтому с этим домом все хорошо, все в порядке. Зимой тут тепло, прохладно летом. Все системы работают, стены не покрывает грибок, сохраняется наружный вид. Даже ступени не скрипят. А три дома, построенные на заказ, для друзей, которых вдохновил Дом, оказались не такими замечательными. Кирпич, бетон, отделочные материалы были куплены в России. Причем большая часть материалов изготавливалась за дикие деньги, на заказ. Первой облезла фасадная краска, потом перекошились все двери, затем сломалась автономная канализация. Друзья, то есть обманутые хозяева тех самых автономных домов, крупно обиделись. Многие еще не успели выплатить всю сумму за постройку. Пришлось чинить строения за собственный счет и простить заказчикам их долги.

Нет, бизнес этот никуда не годится, на него ушли бы все деньги от продажи КУБа, а после Вера с дочерью остались бы жить в нищете. Вовка обязан это предусмотреть, он должен предложить Лексусу нечто такое, из-за чего брат забудет об автономных домах.

А идеи по-прежнему нет...

Вовке очень хочется поговорить с Верой. За годы, когда Вовку с Верой связывали родственные отношения, дела, общие заботы и общие радости, между ними почти не осталось секретов. А вот сейчас Вовка не может быть с ней откровенным, и от этого ему кажется, что он вдруг стал очень одинок. Как пацан, заблудившийся в лесу.

Он вдруг вспоминает Веру в то время, когда она вместе с сестрой пришла работать в КУБ. Пухленькая молодая женщина с ясными глазами и с твердым характером. Работала Вера почти столько же, сколько и Вовка, то есть круглые сутки. При этом ничего не требовала и всегда старалась поддержать.

И только в последние полгода Вера отдалилась. Ситуация с продажей бизнеса нервирует ее сильнее, чем можно было предположить. Она теряет, забывает и путает все вокруг, расстраивается из-за этого, а из-за расстройства еще больше путает, забывает и теряет...

Вовус не знает, как ему поддержать своего лучшего друга. Более того, завтра из-за него Вера станет очень несчастной. Хотелось бы оставить ей прощальное письмо, объяснить все, оправдаться, но Вовус не решается этого сделать. Такие вещи объяснению не подлежат.

Вовус сидит перед компьютером, сигарета тлеет в его пальцах. До ужина, на котором он должен провозгласить «новый курс», всего пара часов. Потушив сигарету, Вовка яростно давит ее в керамической пепельнице, сделанной в форме старого башмака.

Он прерывает интернет-сеанс, включает радио на своем мобильнике. На рок-канале – передача о психоделической музыке. Сложив перед собой по-ученически руки, Вовус опускает на них свою большую голову.

Просыпается он спустя много песен, из-за которых его сны напоминали странные сказки – то лес из водорослей, то небо с зелеными тучами. Еще не совсем осознав, кто он, где находится и для чего живет, Вовус распознает Blue November со своим отчаянным Say it.

Женский крик, ворвавшийся в звукоряд, не может быть частью композиции.

Вовка растерянно смотрит направо и налево, снимает наушники, встает. Его мышцы одеревенели из-за неловкой позы, в которой он уснул, но он почти не замечает этого. Тревога вскипает в его сердце.

Вера

Она стоит перед окном, разглядывая желтые листья березы, выросшие прямо возле дома. Тонкие деревца с золотой поредевшей шевелюрой. Известный поэтический штамп: березки и юные девушки. И впрямь похожи...

Вера вспоминает о своем занятии: ей нужно аккуратно переложить вещи Алексея из сумки в шкаф. Муж не привык искать свои вещи где-то, кроме шифоньера. Как не привык находить свою еду нигде, кроме как на обеденном столе. Ключи от машины, бумажник, файлы с документами, а также все, что нужно Лексусу Пушкину, всегда лежит именно там, где должно лежать. Это забота Веры, ее добровольное обязательство.

Сейчас он принимает душ после дороги, затем совершит освежающую пробежку перед ужином, а после нее опять примет душ. Супруг Веры любит плескаться в воде, потому и воды в Дом завозится столько, что хватило бы отмыть три сотни беспризорных.

Из ванной доносятся бодрые напевы, что-то похожее на «Владимирский централ».

Тут Вера начинает рьяно рыться в сумке, с ужасом подозревая, что забыла носки мужа дома. Как же так? – расстраивается она. Дома, собирая вещи, она положила пакет с носками в кресло, а в сумке их нет. Неужели она их так и оставила в кресле?

Вера расстраивается, садится на подлокотник кресла, пытается собраться с мыслями, смотрит в окно. На самом деле расстроена она не из-за носков, а из-за своей забывчивости. Последние полгода она словно больная: мысли как бешеные тараканы разбегаются из ее глупой головы. Неудивительно, считает Вера, все это совершенно неудивительно: мысли бегут, потому что в голове Веры завелся монстр. Чудовище, которое не позволяет Вере просто жить, как жила она раньше со всеми своими проблемами и заботами, пусть не слишком счастливо, но все же привычно.

Глупая Аська ничего не знает про монстра в Вериной голове. Она думает, что Вера повторяет путь матери, что она больна. Только сестричка глубоко ошибается.

Асина тревога вполне понятна. О маминой болезни сестры стараются не упоминать всуе, но страх в душе есть всегда. Он преследует обеих дочерей Наташи Чистовой всю их взрослую жизнь. Шизофрения никуда из семьи не уходит, даже если ее первый раб уже погиб в непосильной борьбе с раздвоением и расщеплением своего разума. Вера читала в одной научной статье, что если близкий родственник страдал от шизофрении, то ты – десятипроцентный кандидат на повторение его судьбы. «Всего десять процентов!» – скажет тот, у кого никто из родных не был шизофреником. «Господи, целых десять процентов!» – сказала Ася сестре после того, как Вера прочитала выдержки из статьи о шизофрении ей вслух, по телефону.

Иногда то одна, то другая сестра вдруг признаются: думаю, со мной что-то не так. Пару лет назад Вера стала мучиться бессонницей и ей казалось, что в ее комнате кто-то разговаривает. Проще всего было бы позвать ночью Лексуса (у них были отдельные спальни) и спросить у него, слышит ли он голоса. Но Вера вовсе не хотела, чтобы муж узнал о ее подозрениях. Она пожаловалась Асе, сестра приехала к ней ночевать. До трех часов ночи Ася и Вера, как две маленькие напуганные девочки, сидели в темной спальне и ждали. В три часа ночи Вера снова услышала голоса, а Ася бесцеремонно захохотала:

– Дуреха ты, Верка! Ой дуреха! Это же соседи за стеной!

А тут еще недавно встретила давняя подруга матери, которая ходила в КУБ по причине предоставленной ей тридцатипроцентной скидки. Тетя Маша всегда была не слишком тактична, а тут вдруг выдала такое, отчего Веру передернуло.

– Сколько тебе стукнуло? – спросила тетя Маша. – Тридцать пять есть? У Наташи в этом возрасте шизофрения и обнаружилась. Да.

Уже на этом «да» Вере захотелось убить тетю Машу, но последовало продолжение ее речи, и руки Веры опустились против ее желания.

– А через три года она выбросилась из окна...

Затем добрячка тетя Маша добавила пару обнадеживающих фактов про наследственность, а Вера пообещала себе, что больше она с этой старухой здороваться не будет. Хорошо бы и в скидке отказать, чтоб никогда больше не встречать ее!

Очень редко Вера позволяла себе вспоминать о том, что происходило с их матерью до ее смерти. Помнит она немного, а Ася не помнит ничего. И это неудивительно, Вера читала в научно-популярной литературе, что близкие часто не замечают, как развивается эта болезнь.

Вера помнила, что в шестом классе мама спрашивала у нее, как дела, как уроки, как подружки. Она проверяла домашние задания, ходила на школьные собрания, гуляла с дочерьми в парке. А в седьмом классе мама вдруг перестала интересоваться делами Веры и Аси. Она сидела на кухне и смотрела на клеенку, которой был застелен стол. На клеенке были голубые квадратики, и за завтраком или обедом Вера все пыталась понять – что такого в тех квадратиках?

Еще Вера помнила, как однажды вечером мама рассмеялась. Она была одна в комнате, тихо сидела на стуле, глядя в пространство. И вдруг засмеялась – радостно, легко, точно в прежние времена. Папа, который в это время бестолково суетился на кухне, пытаясь сварить детям сосиски, услышав тот смех, высочил в коридор, вбежал в спальню. Дочери подняли глаза от тетрадей и учебников, ожидая хороших перемен...

Смех смолк.

Позже Вера узнала, что шизофреники иногда смеются. Это ничего не значит.

Взгляд Веры снова сосредоточивается на желтых листьях за окном. Она видит, что ветер в лесу крепчает. Тонкие ветки и мертвые золотые листья березы покорны резким порывам воздуха. И вот уже не только ветки, но и стволы деревьев сгибаются от воздушных порывов. Как и всякий настоящий садист, ветер только заводится от беззащитной покорности своих жертв.

Березки и девочки.

Снова вспомнив дочь, Вера сдвигает густые черные брови. Между бровями появляется морщинка. Она думает об Аленке, будто пытается оправдаться перед ней за то, что собирается сделать завтра.

Или лучше прямо сейчас?..

С девочкой Вере повезло. Аленка не походила на тех малышек, что беспрерывно обезьянничают, подражая маме, стараясь привлечь всеобщее внимание. Она не кокетничала, не крутилась перед зеркалом, не лазала в косметичку Веры, не шкандыляла в маминых туфлях на каблуках, забавляя взрослых. Она просто ходила, говорила, ела, танцевала, сидела на горшке так изящно, что не заметить такую девочку было невозможно.

За Аленкой числились и грешки: драки с приятелями в детском саду и школе, мошенничества с игрушками, изредка – ябедничанье, временами – хулиганство. Аленушка в «хорошей» компании могла и обкидать яйцами с балкона соседскую машину, и расписать глупостями свежепобеленные стены в подъезде. Но как-то мало приходилось Вере краснеть за дочь. Воспитатели и учителя почему-то были к Аленке гораздо снисходительнее, чем ко многим другим детям.

И снисходительность шла только на пользу этому ребенку. В свои десять лет Аленка была маленькой принцессой, которая не из-за воспитания, а по совести старалась соответствовать своему высокому титулу.

И сейчас для Веры пришло время выполнить свой материнский долг, защитить дочь. Сможет ли она сделать это? Улыбка на лице Веры сменяется выражением отчаяния. Она закусывает губу – больно, почти до крови.

За ее спиной в деревянной тумбе спрятан бар. В баре стоит бутылка сухого мартини. Если она оторвет взгляд от листьев за окном, то мысль о выпивке станет всепоглощающей. Но пока не следует спешить. Она должна приготовить ужин, накормить семью, а потом, поздно вечером, когда Лексус уснет, Вера сможет выпить.

Она снова приступает к разбору вещей, и постепенно они перемещаются из сумки в шкаф.

На кресле приготовленный к пробежке белый спортивный костюм Алексея, возле двери стоят его кипенно-белые кроссовки. Нижнее белье уже подано за дверь ванной, шампунь, бритвенные принадлежности, дезодорант ожидали хозяина за час до его появления.

Уже десять лет Вера – идеальная жена: хозяйственная, внимательная, верная, полностью поглощенная делами супруга. За это Алексей Пушкин остается ее мужем. Кажется, будто Вера в этой ситуации зависимый персонаж, кажется, будто она должна быть по определению несчастна. Но это не так. Вера не чувствует себя несчастной. Роль идеальной жены дается ей удивительно легко. Такие люди, как Вера, терпеть не могут безделья, им кажется, что, повалявшись на диване часик-полтора, они упускают какие-то невероятные возможности.

Какие возможности? Почему бы не отдохнуть?..

Плеск воды в ванной стихает. Сейчас Лексус вернется в комнату, а Вера все смотрит на треугольные листочки, бледнеющие вместе с наступлением вечера, с уходом солнечного света. Вере тревожно. Тому есть несколько причин, например продажа их бизнеса.

Неспокойно Вере не столько за себя, сколько за Вовку. Как он переживет потерю дела, которому отдано столько лет и сил? Держится Вовка, конечно, прекрасно: обещает сегодня вечером сюрприз, какую-то потрясающую идею, но Вера уверена – ему нелегко.

Она хорошо знает Вовуса, он никогда не мог обмануть ее ни грубыми словами, ни мрачным видом. А уж в улыбке деверя Вера читает все его чувства. Он напряжен, устал, его измучили плохие мысли.

Появление в Гродине федерального сетевого, столичной штучки, сломало все планы Пушкиных. А ведь они только что открыли в каждом магазине по аптеке, организовали детские площадки с аниматорами, добились права расширить парковочные площади. Все только начиналось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.